

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КУБАНИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ¹

TO THE QUESTION ABOUT THE
PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT
OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE
KUBAN REGION IN LATE XVIII — FIRST
QUARTER OF XIX CENTURIES²

*T. Pismennaya
A. Ryabikov
S. Pogorelov*

Summary. this article discusses the features of the development of state-confessional relations in the Kuban. The article analyzes the process of strengthening the position of the Russian Orthodox Church, the construction of churches and monasteries, the creation of the state of the Cossack clergy. The estimation of the religious situation in different geographical origin Cossack regiments is given.

Keywords: Kuban, Cossacks, religion, Orthodoxy, old belief.

Письменная Татьяна Геннадьевна

*К.и.н., доцент, Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
pismennayat@mail.ru*

Рябиков Александр Николаевич

*К.и.н., Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
riybicov@mail.ru*

Погорелов Сергей Сергеевич

*Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
pogorelov.s.s@mail.ru*

Аннотация. в настоящей статье рассматриваются особенности развития государственно-конфессиональных отношений на Кубани. Анализируется процесс укрепления позиций Русской Православной Церкви, строительство храмов и монастырей, создание штата казачьего духовенства. Дается оценка религиозной ситуации в различных по географическому происхождению казачьих полках.

Ключевые слова: Кубань, казачество, религия, Православие, старообрядчество.

Территория Кубани в дореволюционный период являлась контактной зоной цивилизаций, много-составным обществом, в котором оси религиозной сегментации частично накладывались друг на друга, что с одной стороны обуславливало возникновение религиозного синкретизма, а с другой — выступало фактором развития конфликтогенности. Осмысление исторического опыта выстраивания государственно-конфессиональных отношений на Кубани в конце XVIII — нач. XIX вв. может способствовать предупреждению возникновения современных религиозных противоречий, что и обуславливает актуальность настоящей статьи.

Рассматриваемая проблема нашла отражение в трудах отечественных историков. Среди наиболее значимых работ отметим книги Ф. А. Щербины [17], Зудина А. И. [4], Горбовой И. А. [2], Шахова Н. О. [16] и др.

В последней трети XVIII в. в России действовала синодальная система управления Русской Православной Церковью, просуществовавшая вплоть до революции

1917 г. Она провозглашала главенство государственной власти над деятельностью церковных структур, позиционируя российских императоров защитниками и блюстителями церковных порядков.

Организация церковной жизни осуществлялась Святейшим Правительствующим Синодом, возглавляемым обер-прокурором. Синод издавал обязательные распоряжения для епархиальных архиереев, которые приводили их в действие на своих подведомственных территориях — епархиях. Те, в свою очередь, организовывали и координировали деятельность священников, работу церквей, монастырей и других церковных учреждений.

Таким образом, рассматриваемое время было отмечено ужесточением контроля государства над деятельностью Церкви, вмешательством власти во внутрицерковные дела.

Подтверждением вышесказанному может служить политика

¹ Статья издана при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края, проект № 18–49–2300020 «Государственно-конфессиональные отношения на Кубани в конце XVIII — начале XXI вв.»

² The article was published with the financial support of RFBR And administration of Krasnodar region, project № 18–49–2300020 "State-religious relations in the Kuban region in the late XVIII-early XXI centuries"

Екатерины II. Императрицей велась последовательная секуляризация церковных угодий, начало которой было положено в годы правления Петра I. Секуляризационная реформа имела несколько стадий. Одной из ее целей являлось преодоление бюджетного дефицита, составлявшего 8% от суммы годовых доходов и имевшего положительный рост [14, с. 21].

После издания Манифеста о секуляризации церковных земель, датированного 26 февраля 1764 г., Русская Православная Церковь потеряла 910 тысяч душ крестьян и 8,5 миллионов десятин земли [8].

Епархии РПЦ были поставлены в материальную зависимость от государства. Им стало регулярно выплачиваться жалование из государственного бюджета. Для установления размера дотаций 26 епархий страны были отнесены к 3 категориям, в соответствии с закрепленной за ними государственной значимостью.

Реформа затронула и монастыри, которые были официально разделены на штатные и заштатные. Насельники штатных монастырей получали жалование, заштатных — жили на пожертвования верующих. В общей сложности штатных монастырей в России насчитывалось 272. Секуляризация повлекла закрытие 54% обителей, и, как следствие, появление большого количества странствующих иноков. Последние нередко примыкали к «раскольникам» и устремлялись на территории с ослабленным религиозным контролем, в том числе и на Кубань.

Екатерина II предприняла попытку систематизировать содержание духовного образования. В 1762 г. ее критике подверглись как педагогические методы обучения в семинариях, так и уровень преподавания церковной и гражданской истории [7, с. 180].

Императрицей была создана Комиссия «Об учреждении полезнейших духовных училищ в епархиях», которая занялась пересмотром форм и содержания духовного образования. Таким образом, семинарии были подразделены на высшие, учрежденные в крупных городах, и низшие. Личное внимание Екатерины II к проблеме способствовало значительному расширению спектра предметов. В семинариях стал широко изучаться греческий язык и философия, были введены новые методы анализа библейского текста, среди новых учебных книг стал значиться «Церковный словарь».

Укрепление на Кубани позиций Русской Православной церкви совпало с переселением сюда в 1792 г. черноморских казаков, которые отличались выраженной религиозностью.

Причиной переселения казачества явилась необходимость защиты новой границы, которая стала проходить по реке Кубань после заключения Российском империей в 1791 г. Ясского мирного договора с Портой.

Таким образом, сложившаяся политическая ситуация на Кубани вплоть до конца XVIII в. не позволяла Русской Православной Церкви активно вести на данной территории миссионерскую деятельность, здесь не было храмов и священнослужителей. Поэтому важнейшей проблемой религиозной жизни черноморцев стало формирование штата собственного духовенства и строительство церквей.

Интересно письмо 1793 г.: кошевого атамана Чепеги епископу Феодосийскому Иову, в котором сообщалось, что в войско осталось без священников, лишившись двух единственных иереев. Так, священник Петр Степанов, приехавший из г. Черкассы в войско, был в скором времени вынужден вернуться на Дон. Другой иерей — иеромонах отец Варнава — скоропостижно скончался. Таким образом, казаки, по словам атамана, «остались безпоповцы». Особую тревогу руководителя войска вызывали факты погребения умерших без совершения над ними соответствующих религиозных обрядов, что могло вызвать волнения казачества. Выходом из сложившейся ситуации атаман видел согласие епископа на рукоположение в священники достойных казаков, прошедших краткое обучение.

Однако, как выяснилось, в 1793 г. принадлежность казачества к конкретной епархии еще была не определена. В этой связи, епископ Иов не смог удовлетворить просьбу атамана. В своем ответном письме он указывал, что разделяет тревогу войсковой власти по поводу не исполнения христианских треб у населения, однако не имеет полномочий рукоположить присланных в нему казаков, так как решение о епархиальном подчинении казачества должен принять Святейший Синод [10].

Проблемы организации духовной жизни черноморцев вскоре стали предметом рассмотрения самой императрицы, которая одобрила практику подготовки священнослужителей из среды казачества. Таким образом, 4 марта 1794 г. она дала указание Святейшему Синоду отнести Черноморию к Феодосийской епархии, возглавляемой епископом Иовом. Архиерей с этого времени получил разрешение рукополагать в духовный сан кандидатов, представленных войсковом правительством. Так, уже 30 апреля 1794 г. Феодосийская духовная консистория приняла решение посвятить в причетники двух казаков Якова Дьячевского и Андрея Коломийца и одного — Петра Письменного — пономарем в походную войсковую Троицкую церковь. Аналогичным образом был назначен и войсковой протоиерей Роман Порохня, начавший активно развивать духовную жизнь [18, с. 458].

Ф. А. Щербина указывал, что атаманы стремились к тому, чтобы пастырями казачества становились выходцы из среды казаков, имевшие Отечественные награды, пользовавшиеся уважением в войске, а также имевшие дружеские или родственные отношения с войсковой властью. Таким образом, руководители казачества пытались сформировать особый штат духовенства, знакомый с казачьими традициями и поэтому грамотно руководивший религиозной жизнью населения с вольными нравами.

Отметим, что формирование особого штата казачьего духовенства было принято не только из соображения лучшего духовного понимания «пастырей» и «пасомых», но и по объективным административным причинам. На протяжении XIX в. казачество неоднократно меняло свою духовную подчиненность. Так, с 1799 по 1820 г. его окормляли епископы Астраханской епархии, с 1829 г. — Новочеркасской. Архиереи имели резиденции за пределами территории Северного Кавказа. Этот фактор осложнял процесс контроля над верующими и, как следствие, сосредотачивал духовную власть в руках казачьего священства. Оно, в свою очередь, стараясь действовать в соответствии с традиционными нормами, допускало возникновение локальных особенностей в религиозной практике.

Отметим, что успешное рукоположение казачьих священников во многом зависело от гибкости взаимоотношений войсковой власти и церковного начальства. Руководители казачества всячески стремились продемонстрировать епископам успешную работу выборного духовенства, заручившись, таким образом, их поддержкой.

Ярким доказательством вышесказанному служит письмо А. Головатого атаману З. Чепеге по поводу встречи правящего архиерея: «Его преосвященство епископ Феодосийский и Мариупольский Иов сего числа прибывает в Тамань, а завтра на Георгия будет служить. В понедельник же непременно отправится к Вам. И при нем будет ехать архимандрит — 1, поп — 1, иеродьяконов — 4, секретарей — 2, певчих — 10, келейников — 4. О доставлении коего порядочно з довольним канвоем от Тамана по кордонам до Екатеринодара дал я всем народным старшинам приказ. Не худо бы встретить его... Вам с старшинами в городе. Попу же и дьякону прикажите со всем крылом, быть при церкви в облачении, дьякону с кадилницейю, а попу с крестом, на блюде лежащем...» [8].

Войсковое правительство не упускало возможность одаривать епископов подарками. Так, направляя казаков к епископу Гервасию, атаман З. Чепега сообщал в сопроводительном письме: «Ваше преосвященство, милостливый батюшко, для стола Вашего преосвященства икры свежей 2 бочонка, балыков пар 10 и часть визиги при

сем посылаем...покорнейше прошу прислать архимандриту Екатерино-Лебяжьей пустыни Феофану в помощь иеромонаха и диакона, а подносителей сего кандидатов — диакона Григория Стрещенко, Алексея Воинского, Гавриила Куса, Ивана Сумилина и Федора Соболя святейшим рукоположением милостиво не оставить» [9].

В то же время епископы, несмотря на подносимые дары, подвергали претендентов проверке на соответствие духовному сану. Ставленники обязательно демонстрировали архиерею грамотность, навыки чтения и письма, знание церковного устава и пр. Известны случаи, когда епископы находили кандидатов плохо подготовленными и отправляли казаков назад без духовного звания.

Проблема недостатка культовых зданий решалась правительством посредством возведения походных церквей, иереи которых должны были в обязательном порядке обеспечиваться удобными домами. Сведения о числе церквей и их служителей регулярно сообщались правящим архиереем в Святейший Синод. Епископу вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы на территории войска не строились лишние храмы, не обеспеченные необходимым количеством верующих. Для возведения церкви требовалось наличие религиозной общины, которая охватывала не менее 100 дворов, в каждом из которых проживало не менее 4 лиц мужского пола. Служителям каждой церкви по межевой инструкции выделялось 1766 г. 33 десятины земли [8]. Особая забота Екатерины II об укреплении на Кубани основ Православия ясно прослеживалось в ее решении пожертвовать 3~<000 рублей на возведение войскового Собора в Екатеринодаре.

Одним из направлений конфессиональной политики Екатерины II и ее преемников стало строительство на Кубани православных монастырей. О высокой важности указанного вопроса свидетельствует то, что все проекты возведения обителей, вплоть до конца XIX в., подписывались лично правителями страны.

7 августа 1794 г. императрица дала разрешение казакам возвести на черноморских землях войсковой Екатерино-Лебяжский-Николаевский монастырь: «Снисходя на прошение нашего верного войска Черноморского Войскового Правительства и старшин, всемилостивейше позволяем в селениях сего войска и избранном ими месте устроить монашескую пустыню, в которой бы престарелые и раненые на войне казаки по богоугодному желанию своему могли воспользоваться спокойной в монашестве жизнью...» [13].

И. А. Горбовая отмечает, что строительство монастырей на Кубани после учреждения первой обители имело

дальнейшее интенсивное развитие в XIX — нач. XX вв. Отметим, что в 1849 г. начала работу женская обитель во имя Марии Магдалины. В 1877 г. по просьбе местного населения и священников в Майкопском отделе начала функционировать Свято-Михайло-Афонская-Закубанская пустынь. Через десять лет, в 1887 г., недалеко от разрушенных древних храмов ущелья р. Большой Зеленчук была возведена Александро-Афонская-Зеленчукская пустынь, наставником в которой стал монах Серафим, приехавший из Благовещенского Афонского Хиляндарского монастыря. В 1897 г. получил статус монастыря женский скит, возведенный в честь праздника покрова Пресвятой Богородицы, находившийся рядом с древним Сентинским храмом на берегу р. Теберды.

В 1894 г. усилиями православных миссионеров на месте бывшего старообрядческого скита был построен Кавказский Миссионерский Свято-Николаевский мужской монастырь, который стал функционировать в 1897 г. В 1899 г. рядом со станицей Динской была организована Покровская женская община, преобразованная в 1904 г. в женский монастырь. В 1910 г. монастырский статус получило Казанское подворье, принадлежавшее архиерейскому дому, начавшее действовать в 1898 г. Таким образом к нач. XX в. на территории Северо-Западного Кавказа функционировало 8 монастырей (3 женских и 5 мужских), а также 1 скит [2, с. 14–15].

Отметим, что религиозная ситуация на казачьих территориях не была однородной, что объяснялось различным происхождением казачьих групп. Так, в Черноморию, изначально направлялись бывшие запорожские казаки — приверженцы официального православия. Линейные станицы, образовавшие впоследствии правый фланг Кавказской линии, комплектовались преимущественно выходцами с Дона, активно сопротивлявшимися политике переселения. Многие донские казаки являлись носителями старообрядчества. На рассматриваемую территорию было переселено 1~<000 семейств (4700 человек). Донские казаки положили нача-

ло развития станицам Темнолесской, Воровсколесской, Прочноокопской, Григориполийской, Усть-Лабинской и Кавказской, вошедших в Кубанский полк [6, с. 117]. Подавляющее число староверов расселилось в станицах Прочноокопской (200 семей) и Кавказской (70–80 семей) [4, с. 75].

По мнению Ф. А. Щербины, у старообрядцев не имелось собственного духовенства. Религиозные требы справляли у них беглые священники, деятельность которых тщательно скрывалось. Известно, что в 1794 г. в ст. Прочноокопской начал действовать молитвенный дом, который стал впоследствии религиозным центром как для жителей станицы Прочноокопской, так и для староверов из станиц Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполийской и Темнолесской [1].

Важным направлением конфессиональной политики правительства стало распространение Православной культуры среди местных народов. Для этой цели была учреждена Осетинская духовная комиссия, действовавшая с 1745 по 1793 гг. В 1793 г. была создана Моздокско-Маджарская викарная епархия, проработавшая до 1799 г. Несмотря на ее упразднение, причиной которого официально признавалась малочисленность северокавказских церквей, к началу XIX духовенством епархии были заложены необходимые основы сближения местного и казачьего населения.

Таким образом, распространение православной культуры на Кубани явилось важным условием развития государственно-конфессиональных отношений. Православие способствовало правильному восприятию казачеством государственных инициатив, выступало нравственной основой сближения верующих с местными народами — носителями язычества, Ислама и протестантизма. В то же время религиозная ситуация в казачьих полках не была однородной, что объяснялось различным территориальным происхождением казачьих групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 63. Оп. 2. Д. 189. Л. 110.
2. Горбова, И. А. Монастыри Кубани в конце XVIII — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. А. Горбова. — Армавир — 2014. — 26 с.
3. Денисов, В. В. История монастырей Верхнего Поволжья (вторая половина XVIII — начало XX вв.) [Текст] / В. В. Денисов. — Ярославль: Знание, 2012. — 267 с.
4. Зудин, А. И. К вопросам о численности и географии расселения старообрядцев на территории Кубанского казачьего войска [Текст] /
5. А. И. Зудин // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. — Краснодар: изд-во «Кубанькино», 2007. — С. 71–86.
6. Зудин, А. И. Старообрядчество: Очерки традиционной культуры казачеств России [Текст] / А. И. Зудин. — Москва–Краснодар, 2005. — Т. 2. — 157 с.
7. Караулов, М. А. Терское казачество [Текст] / М. А. Караулов. — М.: Просвещение, 2008. — 327 с.
8. Львова, А. Г. Реформирование системы духовных школ России в 60–80-е годы XVIII века [Текст] / А. Г. Львова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — Вып. 74. — С. 178–186.
9. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1762–1772 гг. // СПб., 1910. Т. 1. № 167.

10. Письмо войскового судьи А. А. Головатого кошевому атаману З. А. Чепеге о прибытии епископа Феодосийского и Мариупольского Иова и организации его встречи на кордонах 22 апреля 1794 г. Тамань // Православная церковь на Кубани / Сборник документов. Краснодар, 2001.
11. Письмо епископа Феодосийского и Мариупольского Гервасия кошевому атаману З. А. Чепеге о рукоположении 5 священников и строительстве пустыни. Ноябрь 1796 г. Старый Крым // И. И. Дмитриенко / Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Православная церковь на Кубани / Сборник документов, Краснодар, 2001. Т. 4.
12. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1762–1772 гг. [Текст].— СПб.: Синодальная типография, 1910.— Т. 1.— № 167.
13. Указ Святейшего Синода о причислении земель Черноморского казачьего войска к Феодосийской епархии и устройстве в войске церковной жизни 12 января 1794 г. гор. Санкт-Петербург) // Православная церковь на Кубани / Сборник документов. Краснодар, 2001
14. Указ императрицы Екатерины II об учреждении Екатерино-Лебяжеской Николаевской пустыни. 7 августа 1794 г. // Православная церковь на Кубани / Сборник документов. Краснодар, 2001
15. Чечулин, Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II [Текст] / Н. Д. Чечулин.— СПб.: [б/и], 1906.— 243 с.
16. Шауб, И. Ю. Культ великой богини у местного населения Северного Причерноморья / И. Ю. Шауб // Журнал Stratumpius: Археология и культурная антропология.— 1999.— № 3.— С. 207–219 / [Электронный ресурс] — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kult-velikoy-bogini-u-mestnogo-naseleniya-severnogo-prichernomor'ya#ixzz4RhtCFZEh>.— Загл с экрана.
17. Шахов, Н. О. Вероисповедная политика Российского государства [Текст] / Н. О. Шахов.— М.: Ладомир, 2003.— 340 с.
18. Шашков, А. «Светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял...». Казаки-старообрядцы в конце XVII в. [Текст] / А. Шашков // Родина.— № 11.— 2006.— С. 78.
19. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска [Текст] / Ф. А. Щербина— Екатеринодар: [б/и], 1913.— Т. I.— 960 с.

© Письменная Татьяна Геннадьевна (pismennayat@mail.ru),

Рябиков Александр Николаевич (rybicov@mail.ru), Погорелов Сергей Сергеевич (pogorelov.s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

